

НАША КУЛЯШ

*К. Байсеитова – Чио-Чио-сан
(Дж. Пуччини
«Мадам Баттерфляй»)*

Советское искусство – национальное по форме, социалистическое по содержанию. Обе части этой мудрой формулы – одинаково ценны и предельно выразительны. Эта краткая формула в равной мере относится и к искусству оперного певца.

Известно, что национальная форма искусства прежде всего и полнее всего выражается в языке данной национальности. Музыка, и в первую очередь вокальная музыка, рождается из слова, из человеческой речи. И вполне понятно, что голос певца расцветивается всеми красками речи именно данной национальности.

Эти истины я счел возможным напомнить в связи с моим желанием рассказать о верной дочери казахского народа Куляш Байсеитовой.

И если глубже вдуматься в эти формулы, то в них ключ к огромной популярности

Куляш, источник ее пленительного мастерства.

Куляш недаром называли соловьем Казахстана. Она обладала высокой музыкальностью, позволявшей ей чутко выполнять все требования композиторов. Тембр ее голоса отличался своеобразной, подкупающей красотой. Дело не только в ее чудесных природных данных, но и в свободном и умелом пользовании певческим дыханием.

Тембр голоса Куляш являлся для нее, как для художника, богатейшей палитрой разнообразных красок. И, подобно лучшим представителям русской вокальной школы, создавая каждый новый образ, она так глубоко вживалась в него, так чувствовала и передавала страсти, что все это отражалось на мимике ее лица, на окраске голоса.

Напомним созданный Куляш Байсеитовой классический образ героини народного предания Кыз-Жибек – «шелковой девушки», полный очаровательной поэзии. В начале первого акта оперы Кыз-Жибек грустна. Она поет своим подругам элегическую народную песню о тяжелой доле казахской девушки. Эта песня глубоко трогала слушателя.

Молодой феодал Бекежан, влюбленный в Кыз-Жибек, безуспешно добивается ее взаимности. Иное дело джигит Тулеген, проделавший долгий путь казахскими степями, чтобы увидеть «шелковую девушку». Не только он был поражен ее красотой, но и в Кыз-Жибек зажглось ответное чувство. И все

присутствующие в зрительном зале были свидетелями, как преображалась Куляш – Кыз-Жибек. Она вся как бы наполнялась внутренним светом. И этот свет радости и женственности отражался в ее голосе. Певческое дыхание артистки, этот ее чудодейственный смычок, как бы порхал, еле касаясь струн голосовых связок. Голос терял весомость. Слушая песенку «Гакку», зритель забывал, что это поет артистка, что он находится в театре.

Куляш Байсеитова блестяще преодолевала противоречие, коренящееся в форме спектакля «Кыз-Жибек», как пьесы с музыкой. Зрителя несколько не смущали частые переходы от прозы к пению и обратно. Как в пикировке с Бекежаном, так и в диалоге с Тулегеном или в финале оперы – в рассказе о вещем сне – проза в устах Куляш звучала настолько ритмично, что не нарушала цельности музыкального образа.

В финале оперы игра Байсеитовой достигала наибольшего звучания. Медленно поднимаясь на высокую гору, с которой она решила броситься в пропасть, продолжая петь и сбрасывая подругам прощальные цветы, Кыз-Жибек олицетворяла глубокий протест против мира лжи, коварства, измен. Куляш Байсеитова заставляла зрителя проникаться необыкновенным уважением к гордому достоинству женщины.

Уже в образе Кыз-Жибек, в первой казахской опере, Куляш не только проявила себя талантливой зрелой артисткой, но и нашла свою тему в искусстве. Эта тема – судьба женщины, судьба казахской женщины, освобожденной Октябрем. Сам жизненный путь артистки подсказал ей главную тему. Куляш участвовала в строительстве Новой жизни. Она была коммунисткой и вела большую общественную работу. Народ оказал ей высокое доверие, избрав депутатом в Верховный Совет республики. Но самой яркой и самой общественной по сути своей работой Куляш было ее творчество на сцене.

Вспоминаются многие ее удачи.

Нельзя забыть акына Сару в опере М. Тулебаева «Биржан и Сара». В ее открытом светлом взгляде, в энергичных жестах – нестигаемая воля. На протяжении всего спектакля Куляш талантливо убеждала зрителя в незаурядных силах акына Сары, борца не только за лучшую женскую долю, но и за счастье казахского народа. Особенно ярко эти черты проявились в творческом соревновании с акыном Биржаном и в борьбе с баями, посягавшими на ее личную свободу; Сара упала духом только тогда, когда ее обманули, сказав, что Биржан лишился рассудка. У слушателей тоскливо сжимались сердца, когда Куляш исполняла арии Сары в третьем акте.

Образ Сары – одно из высших достижений артистки. Ей во многом помогли тонкие и разумные советы дирижера Г.А. Столярова и режиссера К. Джандарбекова.

Чтобы сразу обратить внимание читателя на громадный диапазон творчества Куляш, на ее удивительную способность проникать в общечеловеческие чувства, одновременно сохраняя самобытную национальную форму своего искусства, напомним об этапной работе в

творчестве Куляш – об образе Чио-Чио-сан в одноименной опере Дж. Пуччини.

Известно, с какой жадностью обращались к работе над этой партией многие певицы – прославленные и непрославленные. Всех привлекало сочувствие и жалость к судьбе гейши Чио-Чио-сан, доведенной до самоубийства жестокими и нелепыми устоями жизни. Эта жалость исполнительниц к судьбе Чио-Чио-сан делала спектакль излишне сентиментальным; обычно он производил расслабляющее впечатление, вызывал бессильные слезы чувствительных натур.

Не так отнеслась Куляш к судьбе Чио-Чио-сан. Не жалость испытала она, а глубочайшее уважение к женщине правдивой, искренней, полной гордого достоинства. И сентиментальная опера благодаря игре Байсеитовой приобретала элементы высокой трагедии.

Вся короткая и яркая жизнь чудной девушки, жизнь светлой бабочки – Баттерфляй, проходила перед восхищенным взором зрителя.

В первом акте Куляш – пятнадцатилетняя девочка, но и здесь артистка наделяла свою героиню глубиной и душевным достоинством. Если для Пинкертонна любовь девочки была всего лишь легкой экзотической забавой, то для самой Чио-Чио-сан она являлась священным долгом, чувством кристальной чистоты. Сколько было в ней доверия к людям и оптимизма!

С этой верой в людей Куляш пела весь второй акт, несмотря на то, что на нее уже надвигалась гроза, о чем ей намекали и Сузуки, и консул, и Горо, и принц Ямадори. С какой энергией и достоинством отвергала она их посягательства на ее веру и уважение к своему повелителю.

Когда мы слушали Куляш Байсеитову в «Чио-Чио-сан» на казахском языке, невольно приходили на память актеры японского театра «Кабуки», изумительно владевшие актерской техникой. В каждом их слове на незнакомом нам японском языке точно и ярко отражалось состояние образа: мимика и интонация актера были настолько выразительными, что казалось, и непонятные слова звучали для нас как родная речь.

Так и в исполнении Куляш Байсеитовой партии Чио-Чио-сан нам нисколько не мешало незнание казахского языка – до нас доходили не только общие мысли, выражаемые артисткой, но и каждое произнесенное ею слово.

Роковым вестником трагедии Чио-Чио-сан явился консул Шарплес, пришедший подготовить ее к катастрофе. После его фразы: «Что бы вы сказали, мадам Баттерфляй, если б не вернулся он сюда совсем?» – у автора ремарка: «Баттерфляй, неподвижная, как приговоренная к смерти, опускает голову и отвечает с чисто детской покорностью, почти лепечет».

Совсем иначе реагировала Куляш – Чио-Чио-сан. Никакой покорности, никакого детского лепета, никакого сожаления к себе она не вызывала. Наоборот, ее ответ был полон достоинства, в нем чувствовалась внутренняя сила: «Не знаю... что сказать... Опять... пришлось бы мне петь и танцевать... или жизнь... разом прикончить...»

А после того, как консул посоветовал ей «принять поскорее Ямадори предложение», Куляш снова не приняла ремарки автора — голосом,

прерывающимся не от рыданий, как указано в тексте, а от предельного возмущения, от неприступно гордого достоинства, пропела она: «Вы... вы могли... сказать мне это?.. вы?.. Эй, Сузуки, живо, живо, надо гостя провожать...» Но тотчас овладевает собой: «Ах, простите – сорвались слова невольно... О, как больно оскорбили. Ах, как больно... Ах, как больно!» И, шатаясь: «Что-то с сердцем, я уж думала – смерть...». И опять овладевает собой, обнаруживая огромную внутреннюю силу, таящуюся в этой маленькой женщине.

«Он нас оставил?!» – в этом сильном восклицании-вопросе слышались и недоумение, и решимость, и угроза, и уверенность в том, что это неправда, что этого не может быть. И убегает, возвращаясь уже с сыном. С какой торжествующей гордостью звучали взлеты ее мощного голоса: «А это? А это? Что ж и его тоже он бросил?». И в этом вопросе как бы звучал ее же ответ: «Нет, этого не может быть!». Недаром Чио-Чио-сан поет консулу: «Вы ему напишите, что его сын чудесный ожидает! Увидите тогда, как он помчится через земли и моря!». А дальше? Невозможно забыть, как дальше Куляш запела знаменитую арию Чио-Чио-сан: «Знаешь, что посмел тот господин обо мне подумать?»

В этой арии Куляш поднималась над состраданием к одной маленькой женщине Чио-Чио-сан и брала под свою защиту всех страдающих женщин. Куляш проявляла и здесь самые сильные гражданские стороны своей натуры, выступая борцом за лучшую долю женщин.

Волевой голос гневно проклинал позорную профессию гейши. «Нет, никогда не пережить такого мне позора! Страшно! Страшно! Опять плясать. Нет, лучше смерть, чтоб больше не страдать! Ах, страшно!»

Это проклятье буржуазному строю звучит в присутствии одного из представителей этого строя – консула Шарплес. И конец арии слушатели неизбежно сопоставляли с ее началом: «Ты знаешь, что посмел тот господин подумать обо мне?»

Как нерушимую крепость охраняла Чио-Чио-сан – Куляш веру в свою любовь к Пинкертону и к сыну.

И ее заключительный дуэт с Сузуки перед встречей Пинкертона звучал торжествующим гимном любви и счастья – так искристо и уверенно звенел ее серебристый голос.

О финале трагедии остается сказать немного. В него Куляш вкладывала мысли и чувства такой силы, что образ Чио-Чио-сан вырос в значительную фигуру, рядом с которой все «временные господа» – Пинкертон, консул и Кэте – превращались в жалких и робких пигмеев. Так Куляш – Чио-Чио-сан одерживала победу над житейскими невзгодами.

Вызывает пристальное благодарное внимание работа Куляш в опере «Ер-Таргын».

Здесь опять Казахстан, легенда о народном герое – батыре. И новую грань своего таланта вскрыла в этой постановке Байсеитова. На этот раз она создала отрицательный образ дочери Акшахана – Акжунус.

Как и в большинстве своих ролей, Куляш целиком сливалась с образом Акжунус – этой испорченной женщины, ревливой, мстительной и коварной. Но при явно отрицательном отношении к Акжунус артистка с большим умом и тактом отбирала особо характерные и яркие приметы, создававшие у зрителя непримиримое отношение к Акжунус.

Последовательно утверждая свою тему в искусстве, Куляш неизменно стремилась воплотить в образах «вечно женственное начало». Благодарнейший материал в этом смысле она нашла в русской классической опере Пётр Ильич Чайковский «Евгений Онегин».

Созданный ею в творческом содружестве с дирижером Г.А. Столяровым и режиссером Канабеком Байсеитовым образ Татьяны свободно мог соревноваться с образами, созданными многими русскими артистками, несмотря на то, что исполняла Куляш партию на казахском языке. Поэзия Александр Сергеевич Пушкин ощущалась в исполнении Куляш достаточно ярко.

Невозможно было насытиться исполнением Куляш знаменитой «сцены письма»: такой чистотой и грацией веяло в эти мгновения. Она проводила ее, можно сказать, крупным планом. Это значит, что внимание зрителя целиком было сосредоточено на интимных переживаниях Татьяны.

Ничто не отвлекало внимание зрителя. Артистка пела, не вставая с кровати, не бегала и не ходила по сцене, как, к сожалению, делают довольно часто некоторые исполнительницы этой партии, стремясь видимостью действия заполнить свое непонимание душевного богатства Татьяны.

Что же нового открывала нам Куляш в этой высокопоэтической сцене Чайковского – Пушкина, в сцене пробуждения глубокого чувства в душе мечтательной девушки Татьяны?

В исполнении Куляш можно было почувствовать самую суть этой сцены. Мы видели перед собой девушку незамутненной чистоты, неизменно стремящуюся к познанию, не расстающуюся с книгой, задумывающуюся над каждым явлением жизни – «Задумчивость – моя подруга от самых колыбельных дней».

Мы видели, что Татьяна встретилась с самым волнующим чувством. Она горит и мучается неизбывным желанием познать впервые коснувшуюся ее любовь. Мы чувствовали это во всем поведении артистки на сцене, мы наслаждались ее руками – так изящны, музыкальны и целомудренны они были. Вот именно целомудренны.

Это чувствовалось в ее голосе, в ее пении, ярко выражавшем все тончайшие переливы эмоций. И глубоко мечтательные, нежно-интимные фразы:

Кто ты, мой ли ангел-хранитель,
Или коварный искуситель:
Мои сомненья разреши.

Быть может, это все пустое,

Обман неопытной души!
И суждено совсем иное...

И страстный взрыв глубокого чувства:

Вообрази: я здесь одна,
Никто меня не понимает,
Рассудок мой изнемогает,
И молча гибнуть я должна...

После этих страстных слов, слов сомнения и упования, нас буквально потрясло раздавшееся в оркестре фортиссимо с трубами на ту же тему Татьяны. Вот когда почувствовалось, как чудодейственно способна музыка дополнять и усиливать поэзию.

Никогда не забыть, как при словах Онегина «Вы мне писали, не отпирайтесь...» выразительные руки Куляш затрепетали, как крылья раненой птицы, и с каким – нет, не осуждением, а скорее уничтожением по отношению ко всей великолепной исповеди-проповеди Онегина – прозвучали ее слова: «О боже, как обидно и как больно!»

На этом можно и закончить воспоминание об образе Татьяны, созданном Куляш Байсеитовой. Но мне хочется сказать несколько слов о заключительной сцене. Здесь можно вспомнить пословицу: «Нет правил без исключения, а исключения подтверждают правила». Как всем известно, в этой сцене Татьяна-девушка превратилась в женщину света, высшего петербургского света, жену генерала, твердо исповедующую принцип: «Я другому отдана и буду век ему верна». Эта сцена в исполнении Куляш зрителя не удовлетворяла. И не могла удовлетворить. Дело в том, что обстоятельства, в которых живет образ Татьяны в этой сцене, совершенно не соответствовали индивидуальности Куляш Байсеитовой. Здесь ей не удалось слиться с образом Татьяны, и она вынуждена была пользоваться одной лишь техникой. А этого зрителю, избалованному предшествующим исполнением роли, уже было мало.

Знаменательно, что Куляш Байсеитовой – оперной артистке – присуждено звание лауреата Сталинской премии не только за оперную, а также и за концертную деятельность. Это красноречиво свидетельствует о том, насколько высоко общественность страны расценивала разностороннюю деятельность Куляш Байсеитовой.

Куляш Байсеитова своим творческим трудом доказала, как она была связана с жизнью народа.

Аудиторией Куляш Байсеитовой был весь народ Казахстана. Она выезжала в самые глубинные аулы республики, и всюду ее встречали восторженно.

Мудро сказал когда-то Михаил Иванович Глинка: «Музыку творит народ, а мы, композиторы, только ее аранжируем». Куляш возвращала народу его творчество, красиво обрамленное композитором и углубленное ею самой, как высоким мастером-исполнителем.

Мне довелось работать с Куляш в одном театре в течение семнадцати лет. За это время здесь сменилось много руководителей. Среди них были весьма одаренные работники, в том числе дирижеры Г.А. Столяров, И.А. Зак, Г. Дугашев, А.Г. Пирадов, Б.И. Врапа, А.П. Чугунов, Н.А. Шкаровский и режиссеры С.Л. Малявин, Н.И. Сац, А.В. Варламов, Э.И. Хилькевич, Л.Б. Винер, К. Жандарбеков, К. Байсеитов.

Их творчеству и творчеству дружного, работоспособного коллектива театр обязан многими весьма значительными своими достижениями. И в центре этой кипучей творческой работы всегда была Куляш Байсеитова. Она казалась мне чуткой художественной совестью театра. Я был убежден, что театр просто не может небрежно и равнодушно работать, имея в коллективе солистов такого вдохновенного и взыскательного мастера, как Куляш. Всем своим существом как художник и человек она звала театр к новым и новым достижениям.

Будучи каждодневным свидетелем в течение многих лет ее творческой, профессиональной и общественной работы, я имел возможность близко наблюдать богатые свойства ее исключительной натуры.

Куляш отличалась исключительной творческой дисциплинированностью, которая проявлялась и на спектаклях, и на репетициях, и на занятиях с молодежью.

Что особенно поражало, так это ее чуткость по отношению к своим руководителям: ни один дирижер или режиссер не мог пожаловаться на невнимательное ее отношение к тем или иным их указаниям, и в то же время она чрезвычайно деликатно, но твердо проводила в работе свою принципиальную творческую линию.

Трудоспособность Куляш не знала предела. Она на практике доказывала ту мысль, что художник лишь тогда достигает совершенства в своем искусстве, когда не надеется только на талант и вдохновение, а упорно работает. И мы были свидетелями, как Куляш упорно и самозабвенно работала, причем чем сложнее была задача, тем увлеченнее она ее решала. Вот кончается сценическая классная работа по опере «Чио-Чио-сан». После четырехчасовой репетиции с режиссером Н.И. Сац Куляш, сильно уставшая, долго не может встать со станков, служивших ей сценической площадкой. И так на каждой репетиции.

Поражала всех нас Куляш и быстрым, молниеносным усвоением музыкального и текстового материала, но опять-таки только в тех случаях, если художественный материал ее заинтересовывал, захватывал. Скромность Куляш была удивительной. Она блестяще показывала пример того, как надо, по завету Константин Сергеевич Станиславский, любить театр в себе, а не себя в театре. Куляш всегда радовалась успехам молодежи, помогая ей практически. Ее не нужно было просить об этом – она сама обращалась ко мне, как к заведующему режиссерским управлением, с требованием назначить ей репетиции с молодыми артистами и занималась с ними методически и упорно.

Как общественный работник, депутат Верховного Совета Казахской ССР, как отзывчивый человек с щедрой душой, она никогда не отказывала в помощи и своим товарищам, и незнакомым людям.

Партия и правительство высоко оценили творческую и общественную деятельность К. Байсеитовой – ей было присвоено высокое звание народной артистки СССР, она награждена несколькими орденами, в том числе орденом Ленина. Она дважды лауреат Сталинской премии. Сейчас готовится скульптурный портрет, который будет установлен в театре имени Абая. Ее имя присвоено казахской музыкальной школе.

Хочется пожелать композиторам и писателям Казахстана поскорее написать оперу о нашей современности. Создать образ современной советской женщины – было заветной мечтой Куляш. К сожалению, эта мечта ее жизни не осуществилась, она оставила ее нам в наследство. Будем об этом помнить.

Еще одной заветной мечтой делилась Куляш иногда со своими друзьями. Делилась скромно, как бы желая проверить, хватит ли у нее на это сил. Этой мечтой был образ Виолетты в опере «Травиата». Но и она также осталась неосуществленной.

Эти неосуществленные мечты замечательной артистки зовут нас к творческим дерзаниям, поискам, к достижению новых вершин искусства.